

Но проблема в том, что старуха Цюй изначально обещала платить по десять медяков в день только за поливку, но уже через два-три дня решила, что платит слишком много, и потребовала, чтобы люди не только поливали, но и пропалывали. Позже она стала еще более наглой, ссылаясь на дожди, и снизила плату до пяти медяков в день.

Так продолжалось до тех пор, пока Цюй Даню и Цюй Эрню не вернулись и не обнаружили, что урожай в плохом состоянии. Она сразу же побежала к тем, кто брал ее медяки, и потребовала вернуть деньги.

Самое обидное было то, что она не только требовала вернуть деньги, но и компенсацию!

Люди работали ровно столько, сколько им заплатили, и никто не соглашался возвращать деньги и платить компенсацию. Все втихомолку обвиняли старуху Цюй в нечестности, говоря, что она сама виновата.

Чтобы избежать споров и не сорвать важный осенний урожай, староста Цюй предложил компромисс: те, кто взял деньги, вернут половину, а старуха Цюй больше не будет скандалить. На этом все закончилось.

Старуха Цюй наконец успокоилась, но когда приехала семья Лян, ее «болезнь» снова обострилась. Приезд семьи Лян для закупки зерна был самым важным источником дохода для честных крестьян деревни, и староста Цюй не мог позволить старухе Цюй все испортить.

Увидев, что старуха Цюй продолжает пытаться втянуть семью Лян, староста Цюй ударил посохом по ножке деревянного стола и громко крикнул:

— Эй, где все? Уведите шестую ветвь к себе и спросите, могут ли они справиться с этой бабкой. Если не могут, я, как староста, помогу им!

Когда старейшина клана берется за управление людьми, обычно есть два способа: либо наказать с помощью клановых орудий, либо изгнать из клана — выгнать своих или развести с чужими.

В любом случае, это было крайне унижительно и позорно. Клан Цюй жил на этой земле уже много поколений, и старейшина вмешивался только в случае серьезных проступков.

Увидев, что староста Цюй действительно разгневан, старуха Цюй замерла, ее лицо застыло в смешной гримасе.

Прежде чем кто-либо успел увести ее, старик Цюй неожиданно пробился сквозь толпу и ударил старуху Цюй, что всех удивило.

Появление старика Цюй спасло старуху Цюй от неловкости и страха. Она съежилась и спряталась за спиной своего мужа.

Хотя удар старика Цюй звучал громко, он не приложил много силы, и это не было больно. Прежде чем кто-то успел что-то сказать, он быстро произнес:

— Ты, бабка, что тут несешь перед старостой? Если не знаешь, что говорить, не выходи из дома и не позорь нас! В этом году наш урожай едва хватает, чтобы прокормить себя. Что продавать? Ничего не продаем!

Этими словами он превратил отказ семьи Лян закупить их зерно в их собственное нежелание

продавать, пытаясь сохранить лицо. Но все присутствующие, будучи односельчанами, прекрасно знали реальное положение дел.

Староста Цюй не хотел вникать в уловки старика Цюй и, увидев, что тот сам появился, сказал:

— Если стыдно, то уводи свою бабку и не появляйся передо мной!

Без криков старухи Цюй отец Лян и его семья продолжили закупку зерна, как будто ничего не произошло.

Но ушедшие старик Цюй и старуха Цюй не были так спокойны. Старик Цюй чувствовал, что опозорился на людях, и весь путь шел с мрачным лицом.

Старуха Цюй, прожившая много лет с мужем, хорошо понимала его мысли. Увидев, что он продолжает злиться, она тоже начала негодовать. Ведь это она одна вышла говорить, и ей одной было трудно противостоять стольким людям. Как можно было винить ее?

Накопившееся недовольство выплеснулось, как только они вошли в дом:

— Это ты сказал мне пойти говорить, а теперь запрещаешь. Старик, что ты вообще хочешь?

— Ты, старик, дорожишь своей репутацией, а моя что, не репутация? Сегодня перед столькими людьми ты сказал, что я позорюсь. Что это значит? Мы же спим на одной кровати, если я позорюсь, то и тебе не лучше!

— И еще, наш урожай хоть и плохой, но с восьми му земли мы собрали почти 1 400 цзиней риса. У тебя что, несколько желудков, чтобы все съесть?

— Кроме того, что сами съедим и сдадим в налог, останется больше 400 цзиней. Если не продадим семье Лян, то продадим перекупщикам? За один цзинь они дают на пять медяков меньше, а 400 цзиней — это... целых два ляна серебра. Где ты возьмешь два ляна, а?

— Не говоря уже о том, что мы посадили два му клейкого риса. Перекупщики платят за него еще меньше, и он и так менее урожайный, чем обычный рис. В этом году мы просто разоримся!

— Не хочу говорить, но ты, старик, тоже стареешь и глупеешь. Даже если тогда староста не дал продолжить, стоило ему уйти, и мы могли бы пойти к семье Лян и устроить скандал, чтобы они согласились. Зачем ты так поспешно пообещал?

Чем больше старуха Цюй считала, тем больше злилась. Когда дело касалось серебра, ее мозг работал быстрее. Два ляна за обычный рис, два ляна за клейкий рис — просто сердце разрывалось от боли.

— Заткнись! — Старик Цюй был еще больше раздражен болтовней старухи. Разве он не знал этого? Но если бы он не сказал так тогда, староста не отпустил бы их так легко, и еще больше людей посмеялось бы над ними.

К тому же Яовэнь продолжает готовиться к императорским экзаменам, и пока они зарегистрированы в деревне Цюйцзя, они должны подчиняться старейшине клана. Они не могут сейчас ссориться с этим стариком. Когда Яовэнь сдаст экзамены и станет дипломированным ученым, тогда посмотрим, осмелится ли старейшина вести себя так, как сейчас...

Старик Цюй больше не хотел слушать старуху и, хлопнув дверью, бросил:

— Излишки зерна пока не продаем, их и так немного, будем есть постепенно!

Оставшись одна во дворе, старуха Цюй прыгала и терла грудь, чувствуя, как гнев душит ее. Она хотела найти кого-то, чтобы выругаться и выпустить пар, но госпожа Ми и господин Чэнь отсутствовали.

В доме были только Цюй Чжицай и госпожа Чжун. Услышав крики старухи Цюй во дворе, госпожа Чжун дрогнула, и на ее брови появилась черная полоса.

Она нахмурилась, вытерла пудру платком и толкнула Цюй Чжицай, который лежал, читая книгу:

— Муж, пойдя, успокой маму.

Цюй Чжицай, увлеченный чтением, даже не поднял глаз:

— Не пойду. Она сейчас в гневе, я не хочу быть объектом ее ругани.

Госпожа Чжун поправила брови, любуясь своими только что окрашенными ногтями, и тихо засмеялась:

— Мама никогда не будет ругать тебя. Разве ты не слышал, что отец сказал, что в этом году зерно не будем продавать? Разве ты не хочешь каждый день есть белый рис?

Жизнь семьи Цюй была лучше, чем у большинства деревенских, но из-за необходимости содержать ученика старуха Цюй обычно экономила и не всегда готовила белый рис, добавляя в еду кукурузу, пшеницу и просо.

Слова госпожи Чжун заинтересовали Цюй Чжицай. Он знал, что урожай в этом году был плохим, но даже плохой урожай — это все же рис. После очистки от шелухи он превращался в белоснежный рис, который был таким ароматным.

Размышляя о возможности каждый день есть качественный рис, Цюй Чжицай отложил книгу:

— Это хорошая идея. Если зерно продадут, серебро будет у мамы, а мы можем все съесть. В конце концов, есть будем только мы, а некоторые останутся ни с чем.

Имея свои планы, Цюй Чжицай перестал бояться гнева старухи Цюй, поправил халат и вышел.

Старуха Цюй, которая только что прыгала от злости, сразу замолчала, увидев сына, и с виноватым видом спросила:

— Сынок, я тебе не помешала читать?

— Ничего подобного, мама. Твои слова для меня не шум, а наставления. Я никогда не буду считать, что ты мешаешь. — Сказав это, Цюй Чжицай с беспокойством усадил старуху Цюй в доме. — Я увидел, что ты расстроена, и решил выйти, чтобы утешить тебя.

— Я слышал, что ты и отец говорили. Наше зерно выращивается для того, чтобы его есть. Я думаю, отец прав, в этом году зерно не будем продавать. Вы с отцом всю жизнь трудились, и в вашем возрасте вы заслуживаете каждый день есть белый рис, а не грубые зерна!

— Не думай об экономии. Подумай, как только Явэнь сдаст экзамены и станет дипломированным ученым, в доме будет постоянный доход. Ты станешь бабушкой ученого, и твоя жизнь будет совсем другой, не как у обычных старух!

Авторское примечание: [Смайлик]

<http://bllate.org/book/16698/1533825>